

Оба супруга уже в возрасте, и ему приходится поддерживать семейный бизнес, а у Ань Хуэй проблемы со здоровьем и настроением. В младенчестве, когда ребенок еще не различает добро и зло, ее окружали няни и служанки, и она справлялась с воспитанием. Но когда он подрастет, лучше, чтобы он находился рядом с сильным и энергичным старшим братом, чем с матерью, чье настроение непредсказуемо.

— Младший брат очень меня любит, — улыбнулся Ци Цзиншэн, понимая, что Ци Минъюн согласился. — Я поговорю с управляющим Чэнем, чтобы он помог мне с организацией.

Ци Минъюн остановил его.

— Отдохни дома еще месяц, я попрошу Чэнь Лэ выбрать, куда тебя отправить.

Получив согласие, Ци Цзиншэн с улыбкой вышел из кабинета и направился в Зал Чуньцзай. В такой важный день нужно было навестить мать и младшего брата.

Как только он вышел из кабинета, новость уже долетела до Зала Чуньцзай.

Ань Хуэй чувствовала головокружение и тошноту. Не имея возможности узнать, о чем говорили отец и сын, она была еще более раздражена.

На первом дне рождения ее родного сына, когда возникли проблемы, Ци Минъюн не остался с ней, а сразу занялся делами. А Ци Цзиншэн, как старший брат, конечно, тоже узнал о результатах обследования на празднике. Вернувшись домой, он не поспешил навестить брата, а сразу отправился угождать отцу.

Он, что, думает, что угроза миновала, и теперь может расслабиться?

С того момента, как Ци Цзиншэн вошел в усадьбу Шэньюань и отправился в кабинет, прошло почти два часа — достаточно времени, чтобы обсудить множество важных вопросов.

Ци Цзиньян лежал в своей кровати рядом с ней. После целого дня суеты он был вялым, но не спал, временами хныкая, будто вот-вот заплачет.

Интересы ее сына могли быть полностью уничтожены за эти два часа. Ань Хуэй смотрела на кровать, и ее сердце горело, как на сковороде. Она задыхалась от гнева и разочарования. Услышав, что Ци Цзиншэн идет, она упала на диван.

— Я устала, пусть не приходит. Отнесите Цзиньяна в боковую комнату и уложите его спать.

Ей так хотелось что-нибудь разбить, что она не решилась оставить сына рядом с собой. В глубине души она чувствовала невыносимое разочарование, и вид плачущего малыша только раздражал ее.

Лю Я распорядилась, чтобы няня забрала Цзиньяна, и с беспокойством стояла рядом. Ци Цзиншэн еще не дошел до Зала Чуньцзай, и она не могла просто остановить его на полпути и сказать, чтобы он не приходил.

Пришлось подождать, пока Ци Цзиншэн войдет во двор, и тогда служанка сообщила ему, что Ань Хуэй отдыхает и не принимает гостей.

Ци Цзиншэн прекрасно понял.

— Сегодня на празднике было так много гостей, и мать все организовала сама. Должно быть,

она устала. Управляющая Лю, позаботьтесь о ней. Я загляну к брату.

Лю Я не смогла его остановить, и он вошел в восточную комнату.

Няни Ци Цзиньяна суетились, пытаясь успокоить его, но все их усилия были тщетны. Увидев Ци Цзиншэна, они словно увидели спасителя и сразу передали ему ребенка.

Здесь не было специалистов, поэтому Ци Цзиншэн спокойно использовал свое силовое поле, чтобы успокоить брата.

— Он, наверное, почувствовал какой-то неприятный запах. Его переодевали после Зала Дилу?

Няня поспешно ответила.

— Он вспотел днем, и мы уже сменили два комплекта одежды. Должно быть, запаха нет.

Ци Цзиншэн наклонился и понюхал. На шее, волосах и запястьях малыша чувствовался легкий аромат, возможно, от прикосновений гостей.

— С одеждой все в порядке, но ему нужно искупаться. Я отнесу его в Павильон Чэнсинь. Соберите его вещи и идите за мной.

После обследования, проведенного после полудня, настроение Ань Хуэй ухудшилось. Все в доме, от управляющей Лю Я до уборщиц, боялись лишней раз заговорить. Няни, как обычно, сменили одежду Ци Цзиньяна дважды, но не осмелились предложить перенести вечернее купание на послеобеденное время.

Ань Хуэй полулежала на диване у окна и, увидев, что Ци Цзиншэн пошел в восточную комнату к Цзиньяну, не выказала никакой реакции.

Как старший брат, он должен был навестить ее, а не младшего брата, но, к ее удивлению, через десять минут он вышел с ребенком на руках и остановился у дверей главной комнаты, чтобы служанка передала сообщение.

Ань Хуэй невольно приподнялась.

— Что случилось?

Лю Я, которая в последнее время ощутила на себе, как трудно быть рядом с такой госпожой, осторожно передала слова служанки.

— Старший господин сказал, что младший господин Цзиньян капризничает из-за запаха духов на его волосах и теле, и хочет отнести его в Павильон Чэнсинь, чтобы искупать.

Ань Хуэй, накопившая за день злость, снова вспыхнула.

— Если господину не нравится запах духов, почему вы весь день молчали? Вы что, мертвые?

Эти слова заставили всех в доме напрячься.

Лю Я, не зная, что делать, попыталась объяснить.

— Все старались изо всех сил, но в Зале Чуньцзай только женщины, и мы не чувствуем запахов так остро. Младший господин Цзиньян уже дважды переодевался, и никто не заметил запаха.

Старший господин, в конце концов...

Она вовремя остановилась, но Ань Хуэй поняла намек.

Ее злость, как искра, попавшая в бочку с порохом, вспыхнула с новой силой. Она сбросила одеяло и вскочила на ноги.

— Почему ребенка нельзя искупать здесь, а нужно нести в Павильон Чэнсинь? Старший господин уже почти взрослый, а все думает о таких пустяках, как няни и служанки...

Это уже было не намеком, а открытым упреком. Не только люди в доме, но и Ци Цзиншэн был удивлен.

Ань Хуэй, воспитанная в лучших традициях знатных семей, за почти тридцать лет замужества с Ци Минъюном и двадцать лет в роли жены главы семьи, вероятно, никогда не гневалась так сильно.

Ци Цзиншэн первым делом спросил Сяо Цзю:

— Женщины в климаксе такие странные?

В прошлой жизни в этот день она упала в обморок, но, очнувшись, была гораздо спокойнее.

Однако он не мог перечить матери. Взяв Цзиньяна на руки, он вошел в комнату.

— Мама, не волнуйтесь. После купания Цзиньян успокоится. Никто не хотел причинить ему вреда, не сердитесь.

Заступиться за людей в своем доме — это уже слишком. Ань Хуэй глубоко вдохнула.

— Оставь Цзиньяна!

Цзиньян, который наконец почувствовал себя комфортно, крепко ухватился за воротник Ци Цзиншэна.

Ци Цзиншэн не хотел ссориться с матерью и был готов передать ребенка няне, но после двух попыток ослабить хватку Цзиньян только крепче обнял его. Его слабые ручонки обвилились вокруг шеи Ци Цзиншэна, и он начал тихо плакать.

Ань Хуэй, видя, как Цзиньян привязан к Ци Цзиншэну, вдруг вспомнила какие-то глупые слухи. Она потратила годы на воспитание одного сына, который не был ей близок, а теперь, когда у нее есть родной сын, он тоже не привязывается к ней...

Ци Цзиншэн не знал, что она думает, но даже если бы знал, лишь посмеялся бы. Это замкнутый круг, не так ли?

Если ты не вкладываешь чувства в воспитание ребенка, не жди, что он ответит тебе любовью. А если у тебя есть родной ребенок, но ты рассматриваешь его лишь как средство достижения своих целей, то ни в том, ни в другом случае не будет нормальных материнских чувств.

Няня дважды попыталась забрать ребенка, но никто не осмеливался отнять его силой.

Ань Хуэй, шатаясь, встала и подошла к Ци Цзиншэну, протянув руки.

— Отдай его мне.

Она только что выпила лекарство, и от нее слегка пахло медикаментами. Цзиньян, конечно, не хотел идти к ней. Он отвернулся и спрятал лицо в шее Ци Цзиншэна.

Ань Хуэй почувствовала, будто ей в сердце вонзили нож, и ее взгляд, устремленный на Ци Цзиншэна, буквально пылал.

Ци Цзиншэн оставался спокойным.

— Мама, не волнуйтесь, я могу позаботиться о нем. — Он слегка поморщился. — Вы только что приняли лекарство, и Цзиньян, вероятно, почувствовал запах. Сегодня он пострадал от духов, и его терпимость к запахам снизилась.

Как, еще не окрепнув, уже смеет критиковать родную мать!

Эта причина особенно разозлила Ань Хуэй. Мать, которая заболела и принимает лекарства, должна терпеть, что ее запах раздражает ребенка? Что будет, когда она состарится?

Ань Хуэй сделала вид, что не слышит слов Ци Цзиншэна, и схватила Цзиньяна под мышки, пытаясь забрать его. В гневе она, казалось, снова взяла себя в руки и говорила разумно, но голос был жестким.

— Ты сегодня устал на экзаменах, отдай его няне.

Если бы Ци Цзиншэн знал, какие мысли крутятся у нее в голове, он был бы поражен. Логика нормального человека не способна выстроить такие выводы, это совершенно нелепо.

Но сейчас он не хотел усугублять ситуацию. Ань Хуэй уже взяла ребенка, и он, конечно, должен был передать его.

Однако Цзиньян не захотел. Дети чувствуют эмоции, и настроение Ань Хуэй, не говоря уже о ее дыхании, которое было тяжелым и пахло лекарствами, ее строгий взгляд — все это напугало его.

Ци Цзиншэн был другим. Его ладонь, поддерживающая спину, была твердой и теплой, его силовое поле было комфортным, а запах — чистым и приятным. Он все время улыбался и говорил спокойно.

<http://bllate.org/book/17699/1652380>